

Источник стойкости.

*«Valeu a pena? Tudo vale a pena
Se a alma não é pequena.
Quem quer passar além do Bojador
Tem que passar além da dor.
Deus ao mar o perigo e o abismo deu,
Mas nele é que espelhou o céu.»*

Fernando Pessoa

...Стоило ли труда? – Всё на свете стоит труда,
Если сердце готово сказать неизвестному «да».
Маяк Бужедора позади оставляет тот,
Кто свою боль и горе с собой не берет.
А там, чем грознее бездна среди штормовых зыбей,
Безграничное небо в ней отражается тем ясней.

I.

потому что у нас в глазах проплывают рыбы
и все плывет

(João de Melo)

на островах это так:
люди, скалы, холод, лава
на островах всё вот так
и мы здесь

(Avelina da Silveira)

рядом тени тех, кого нет,
на пустых затерянных пляжах
эхо древних морских голосов

(Antero de Quental)

оставить не сказанным так много несказанного

(Daniel Gonçalves)

что никак не сводится
к определенным направлениям
законченным строчкам

(Deka Purim)

глядя на корабли

(Eduardo Bettencourt Pinto)

на Азорах
мы называем это «островной свет»
легкий, летучий, обещающий чудо

(Elaine Àvila)

от красных пустошей Санта-Марии
от зеленого кратера Корву

(José Raposo)

прижимаю ладонь
к шершавой застывшей лаве
пока не почувствую – опору? поддержку?

(Elaine Àvila)

что тебе показать?
вот мой остров в ночном море,
крики чаек, луна

(Maria de Fátima Borges)

ныряешь вглубь азорского моря	(Lara Gularte)
чувствуя легкость всего, что создано водой, воздухом, огнем, лавой	(Leocádia Regalo)
залив, скала в море, вершина холма	(Pedro da Silveira)
по траве зеленые волны от ветра	
волны дарят свободу носят буквы твоего имени по этой странице	(Madalena Férin)
кто здесь родился у того к изголовью привязана лодка	(Ruben Santos)
соль морского бриза	(Virgílio Vieira)
далеко так далеко	(Vitor Meireles)

II.

Позвонить на Азоры – (Diana Ramos Firestone)

было то еще развлечение.
Родители начинали по очереди вопить в телефон,
брызжа слюной,
стараясь, чтобы родственники нас услышали.
У меня в ушах до сих пор стоит крик моей тёти,
разносившийся над Америкой и океаном,
когда она изо всех сил прижимала к щеке пластмассовую трубку
и простирала руку в призывном жесте:
«О Боже! Как ты там, моя крошка?!»

Письма шли бы туда две недели,
поэтому каждое воскресенье после обеда
начиналось время звонков.
Мама говорила: будь поприветливее,
раньше люди кричали с одной горы на другую,
потому что на острове не было телефонов.
Каждый ждал своей очереди сказать «привет, это я»
и тут же передать трубку следующему.

Когда я была ребенком, на бабушкиной террасе
собиралось человек двадцать.
Мой дядя играл на гитаре. Все вместе готовили ужин.
Потом нас укладывали спать где-нибудь на каменном полу,
навалив одеял и подушек, чтобы мы не замерзли.

В памяти мелькают лица, звук шлепая по полу босиком.
Мы ели вместе, пели и хохотали.
У нас не было телефонов в 1992 году.
А все, что было – эти ночные разговоры на террасе
и родные лица, едва различимые в темноте.

...хотя я родился и вырос на острове, я никогда не чувствовал себя моряком, (Onésimo Almeida)
 потому что от окна моей комнаты было около двух километров до поселка Кальеташ
 и их галичного пляжа, где мы, жители Пику-да-Педра, всегда были чужаками, пришельцами изнутри
 острова, незаконно проникшими в их исконные земли, я это знаю, потому что мои бабушка и дед по
 материнской линии были оттуда, и там даже в самые безветренные ночи был слышен рокот моря прямо
 под окнами, но даже из моей родни с побережья никто не стал моряком, они только постоянно твердили
 об опасностях океана и не разрешали нам спускаться к нему по скалам или оставаться одним на пляже,
 потому что море коварно, и они это хорошо знали. На семейных праздниках, когда детей укладывали
 спать на террасе, после того, как всем нам так долго позволяли беситься, в наступающей вдруг тишине
 становилось слышно, с какой силой волны бьются о берег под обрывом, и мы заворачивались в одеяла и
 засыпали со сладким ужасом, который сегодня назвали бы виртуальным.

Море подолгу стояло у меня перед глазами, и еще до того, как я прочел у Виторино Немезио, что азорцы
 – гибридные существа, как например сирены, я ловил себя на том, что очень странно чувствую себя
 повсюду, где нет моря... Я понимаю, как можно практически задохнуться, проезжая скажем по
 центральной части Испании, где до моря и правда очень далеко, но я знаю и что значит испытывать
 настоящую радость, когда поезд подходит к Порто и в городке Эшпинью вдруг открывается море, море,
 МОРЕ, и сразу становится ясно, кто из пассажиров в вагоне с островов, потому что они начинают
 возбужденно говорить друг с другом, как будто скандируя хором: свобода, СВОБОДА.

Тетя Александрина

(J.H. Santos Barros)

обожала пить кофе
 полкофейника утром и еще полкофейника вечером,
 вместе получалось что-то около литра.
 С такой дозой кофеина в крови
 она присматривала за десятком детей со всей нашей родни
 и еще успевала помыть десяток квартир городским бездельницам.
 После работы она возвращалась в автобусе в наш поселок в Бишкойтуш,
 и я помню ее оглушительный смех
 и ее быстрые черные глаза
 сверкающие как звезды.
 Каждый раз, когда я бываю на острове, я приезжаю туда.
 Не для того, чтобы навестить ее –
 она там больше не живет, ее забрала Канада,
 неодолимая тяга к эмиграции, –
 но чтобы взглянуть, насколько прекрасен
 ее заброшенный сад и вокруг дома
 заросли одичавшего винограда.

...И когда-нибудь мы возьмемся за руки
 и поднимемся на вершину.
 Мы впервые покажем своим детям кратер,
 озеро внутри кратера, его островки,
 напоминающие наш в океане,
 расскажем о разных видах растений,
 о том, как наблюдать за дождем,
 за ветром и солнцем.
 Мы объясним, как различить,
 где кончается небо и начинается море,
 и покажем корабль, уходящий на запад,
 и шепнем, что отплытие скоро.

(Vasco Pereira da Costa)

А мы останемся.

III.

ждемся посадки, приятель

(Cecília Meireles)

поплыли куда-нибудь
отыскать свое время,
настоящую жизнь, понимание,
влюбленность, шансы

о, это желание уехать
и не вернуться,
ужас, что останешься,
не сумеешь уехать,
внезапная тоска
по далекому, не прожитому,
от которой хочется кричать,
боль, что ты не в силах отправиться в порт,
который не можешь больше видеть,
свет, который не надо было включать
и не получается выключить.

(Otilia Fraião)

Сколько еще веков нам вертеться в этом колесе,
сходя с ума от вечной рутины
всеобщего ожидания, выдаваемого за будущее?

(João-Luís de Medeiros)

Когда я умру, пусть я стану темно-красной полоской
графика радиочастот на 30 GHz

(Katherine Vaz)

земля кончается здесь
дальше море и ветер
земля кончается здесь
и вместе с ней все, что я знаю
иногда я думаю, что уеду,
вот пирс, с которого начнется мое приключение.
Но это самообман.
Ну сколько еще?
.....
дым от горящих зеленых ветвей
из сна выход только в сон.

(Pedro da Silveira)

Когда ты смотрел с вершины холма на улицу Пику Редондо
я поняла, что ты хочешь бежать, уехать,
что тебе видятся другие миры и жизни, что другие люди
ждут тебя по ту сторону границы,
что тебе нужна эта бесконечность.

(Gabriela Silva)

Ты уехал как будто ушел ненадолго и вот-вот вернешься
без долгого расставания, прощальных слов, сожалений,
опасений, что что-то забыл.

Ты уехал без страха,
 только что-то дрожало в тебе,
 было ясно, что оглянуться
 означало бы все решать снова, а ты не хотел.
 Тебя встретили даль океана, неизмеримость дистанций,
 радость бесстрашия, сила надежды,
 и ты был совершенно уверен,
 что на улице Пику Редондо в Фажанзинье
 все остается как есть, неподвижно, печально,
 как и было всегда.
 Что, однажды вернувшись, ты снова застанешь все это,
 все что будет таким каждый день:
 тот же берег, где солнце садится за море как в детстве,
 и те же зеленые камни.

Уезжай, тебе правда в Америку.
 Уезжай, твоя победа тебя заждалась.
 Даже если что-то из детства в тебе и разрушит тоска,
 уезжай!

Лингвиса и ямс будут пахнуть как прежде,
 на рождество будут резать свинью, как это делали деды,
 будет старая жизнь угасать в монотонности старой земли,
 и всегда тот же праздник Сеньоры-ду-Ремедиуш,
 и всегда неизбежность платить
 за мечты об отъезде без возврата назад,
 за сны, что случайно вернулся, даже если никуда не уехал,
 за отъезды, которые держат в секрете до самой последней секунды,
 за просьбы приехать, которых никто не услышит.

Здесь на улице Пику Редондо был твой дом. От него видно море.
 Эти волны когда-то унесли тебя навсегда.
 Это море надеется (зря), что ты все же вернешься.

Корабли покидают остров,
 корабли возвращаются.
 Остров и сам корабль
 на отмели
 посреди океана
 укутанный морской дымкой,
 привыкший
 быть крупинкой посреди волн.

(Cristóvão Aguiar)

Корабли покидают остров.
 Я уплыл на одном из них
 и теперь
 мне так не хватает моря.
 Без океана вокруг сплошные границы,
 и границы душат меня...

Стоп, где мой паспорт?
 ГДЕ ПАСПОРТ?

(Maria Luísa Soares)

IV.

Мне встречаются странные люди:
ангелы стоят на поворотах,
святые с нимбами
в самолете

(Deka Purim)

Что и значит: прямо на дороге найдешь сокровище.
Кто внимателен, в самое мрачное время получит подарок.

(Katherine Vaz)

Как мне отсюда попасть в Португалию?
Небо и небо.
Свобода
посредине чудовищной рабочей недели.

(Sam Pereira)

Сперва на выезде из Нью-Йорка
были сплошные пробки,
и говоря честно
если бы не этот настойчивый басовый бит
на самом краю памяти
мне вообще не пришло бы в голову
путешествовать в сторону «дома».

Это вот небо. И крылья
летающих внизу sagittos
(буревестник – тяжелое слово).
Мне наливают
чего-то, что делает свежим
и популярным. Как раз недавно
мой друг сказал мне
что я и сам похож на буревестника,
а часто ли я бывал на Азорах
в своей долгой трудовой жизни?
Я беру еще выпить. Сегодня
лучше без лишних слов. Так у людей не бывает.
Резкий крик, голубое небо.
Всё подтверждает, до какого безумия я дошел.
Мы всё летим над Атлантикой,
Здесь всегда полдень и все время среда.
Моя умершая бабушка печет хлеб.
Правда, печет.
Она и другая моя родня встретят меня в аэропорту,
повезут на обед

Как мне отсюда попасть в Португалию?
Остается загадкой, как и бабушкин хлеб.
Давние истории, давний труд,
стародавняя вера,
словно дождь благодатный на камни моей суровой судьбы.
Сажу на обеде с умершими родственниками,
произношу молитву – им это приятно.

Перед залом прилета
шлю по ветру воздушный поцелуй Энрике Мореплавателю
и пропадаю среди бесконечных привет и привет.
Как буревестник

какой-то старинной бури
я кричу на ветру про свой дом.

V.

Из истории Азорских островов.

1810: ссылка на Азоры португальских либералов, обвиняемых в пропаганде идей Французской революции.

через десять лет –

1820: либеральная революция в Португалии. Выборы в Конституционную Ассамблею.

через два года –

1822: независимость Бразилии, до этого португальской колонии. Принятие конституции.

через год –

1823: антидемократический военный путч. Запрещение Конституционной Ассамблеи.

через год –

1824: второй военный путч.

через два года –

1826: умирает король Жуан VI. Сменивший его король Педру подписывает конституционную хартию и передает правление своей дочери.

через два года –

1828: третий военный путч. Установление диктатуры под предводительством короля Мигела. Массовые аресты. Посланник новой власти прибывает на остров Терсейру, получает отпор со стороны либеральных активистов и уезжает на остров Сан-Мигел, откуда и управляет остальными островами. На оставшейся в изоляции Терсейре сторонники демократии вместе с оппозиционно настроенными военными организуют либеральное правительство.

в тот же год –

1828-1829: на Терсейру съезжаются португальские политические эмигранты из Англии и Франции.

через год –

1829: попытка абсолютистского режима захватить остров Терсейра. Сражение при Прая (Прая-да-Витория). Поражение и бегство абсолютистов, победа демократических сил.

через два года –

1830-31: Азорские острова переходят под управление либерально-демократического правительства. С острова Сан-Мигел отправляется флот с целью установления демократии в континентальной Португалии.

через три года –

1834: окончательное поражение диктатуры.

через три года –

1837: переименование главного города острова Терсейра Ангра в Ангра-ду-Эроишму («Источник героизма»)

через семь лет –

1844: установка в Прая-да-Витория памятника в честь победы над диктатурой.

VI.

Мастер,

(Ângela de Almeida)

когда война кончится,
и в беседке среди белых роз
мы попробуем думать о завтра,
снова видя в глазах друг у друга разлив бесконечной реки,

«Мастер» – имеется в виду Рикарду Рейш,
один из гетеронимов Фернандо Пессоа.

будет так, как ты говорил,
легкий день покружится над нами,
уча ни о чем не жалеть,
а с кошмарами пусть разбираются боги,
опекавшие нас без особой охоты.

И, свободны от пут,
мы еще вспомним, как уезжали,
снова на родине, а не в гостях на Олимпе,
и мы вернем себе каждый час,
который у нас украли.

А когда окончится день и осыплются розы,
мы сможем уйти безмятежно
каждый в свой беззащитный сад,

потому что

наши руки будут пусты,
а все, что нам снилось –

вот все это –

навсегда сохранит история.

Составление и перевод Кирилла Щербицкого.

Переведенные авторы (за исключением Фернандо Пессоа) являются уроженцами Азорских островов, живущими или жившими на Азорах или в эмиграции. Азорское поэтическое сообщество двуязычно: авторы живущие в США часто выбирают писать по-английски, хотя их родной язык португальский. Многие тексты переводятся потом в обе стороны, причем не обязательно авторкой/автором. Возможно, идеальной формой издания азорской поэзии по-русски была бы трилингва, где португальская, английская и переводная русская версии текста сосуществовали бы на одной странице.

Стоит оговориться, что, в отличие от остальных текстов, вариация на тему «Valeu a pena?» не является в строгом смысле переводом. Существует несколько близких к тексту переводов этого фрагмента «Mensagem».

Огромное спасибо профессору Денижу Борджешу, без его многолетних усилий по сбору и изданию азорской поэзии эта компиляция не была бы возможна.